

АННА АРТЕМЬЕВА. ЕЛЕНА РАЧЕВА

58-я. НЕИЗЪЯТОЕ

ДОПОЛНЕННОЕ РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Истории людей, которые пережили то,
чего мы больше всего боимся

Издательство АСТ
Москва

Герои этой книги — люди, которые были в ГУЛАГе, том, сталинском, которым мы все сейчас друг друга пугаем. Одни из них сидели там по политической 58-й статье («Антисоветская агитация»). Другие там работали — охраняли, лечили, конвоировали.

Среди наших героев есть пианистка, которую посадили в день начала войны за «исполнение фашистского гимна» (это был Бах), и художник, осужденный за «попытку прорыть тоннель из Ленинграда под мавзолей Ленина».

Есть рассказ священника про первый религиозный экстаз и литовского партизана — про первого убитого им чекиста.

Есть профессора МГУ, выедающие перловую крупу из чужого дерьма, и инструктор служебного пса по кличке Сынок, который учил его ловить людей и подавать лапу. Есть девушки, накручивающие волосы на папильотки, чтобы ночью вылезти через колючую проволоку на свидание, и лагерная медсестра, уволенная за любовь к ээку.

В этой книге вообще много любви. И смерти. Доходят, объедающих грязь со стола в столовой, красоты музыки Чайковского в лагерьном репродукторе, тяжести кусков угля на тачке, вкуса первого купленного на воле пряника. И боли, и света, и крови, и смеха, и страсти жить.

Мы начали собирать эти рассказы для «Новой газеты», четыре года назад. Всем нашим героям было от 80-ти до ста лет. Они пускали нас в свои дома, наливали чай или водку, и не столько вспоминали, сколько прислушивались к себе, заново воссоздавали собственную жизнь, в последний раз сталкивались с собой, своей болью, страхом, от которого всю жизнь бежали или с которым свыклись. Рассказы звучали, как завещания, как последняя попытка понять, зачем это было — и с этим знанием уйти.

В Печоре, в доме окнами на бывшие лагерные бараки, удивительно красивая украинка Ольга Гончарук, плача и не закрывая лица, говорила про исковерканную лагерем жизнь, а ее немолодой уже сын смотрел на мать с ужасом и любовью: все это он слышал впервые.

В подмосковном поселке Клязьма пианистка Вера Геккер легко касалась клавиш рояля. Длинные тени падали на ее длинное платье, поскрипывали деревянные половицы, медленно лились аккорды Чайковского — и невозможно было представить, что пять лет Вера провела в лагерях в Средней Азии, и еще пять рояль был с ней в ссылке в Караганде.

Где-то на окраине Питера крепкий, высокий 101-летний Павел Галицкий весело вспоминал, как видел в Магадане американского президента Генри Уоллеса, как бежал по обледеневшей зимней дороге под Сусуманом встречать жену, спустя 18 лет приехавшую к нему в ссылку, как учил трех бывших профессоров работать кайлом. Глубокий низкий голос разносился по всей квартире, старик громко отхлебывал чай — и вдруг закричал: «Перемерли они! Все на Колыме перемерли...»

Вскоре оказалось, что большинство бывших заключенных никогда в жизни не говорили про лагерь. Многие до сих пор боятся нарушить подписку о неразглашении, данную в 1950-х годах, не разделяют СССР и нынешнюю Россию и не считают лагерное прошлое — прошлым. В каждом доме нам первым делом показывали справку о реабилитации — словно оправдание потерянных в лагере лет.

Большинству было больно вспоминать, кто-то замолкал посередине рассказа. Многие плакали. Но не тогда, когда говорили про голод или близкую смерть — а когда вспоминали надзирателя, просунувшего через кормушку камеры немного махорки; медсестру, носившую письма ээков на почту; жену, которая ждала 10 лет.

Мы решили: об этих проявлениях человеческого и нужно спрашивать. Не только про то, как били и унижали, но как выживали, поддерживали друг друга и держались. На что надеялись, чего ждали, чему радовались, что понимали о себе и людях. Как потом, после освобождения, вспоминали про лагерь, какие видели сны.

Почти всех героев этой книги мы спрашивали про самое страшное и самое радостное воспоминание жизни. Самыми страшными оказались первые дни в тюрьме, позже — лагерная повседневность, одинаковость дней, ощущение неизменности и безнадежности, которое накаtywало через несколько лет.

Радости отличались. Неожиданно мы заметили, что много смеемся во время интервью, много слышим ярких, наполненных жизнью историй: как женщины вышивали на лагерных номерах цветочки, шили платья из наволочек и перебрасывали любовные письма через забор мужской зоны. Как бывший московский студент полюбил работу на шахте («Шахта затягивает, как море. Уголь в луче света очень красив»), убежденный атеист из Ярославля стал католическим священником, а юная тбилисская журналистка, член подпольной организации «Смерть Берию», встретила в Минлаге своего будущего мужа, литовского партизана: «Солнце, а он в курточке с молниями, они блестят... Когда нас сажали, молнии еще не придумали. Я ему говорю: «Юзеф, ну ты просто елочная игрушка!».

Мы узнавали, как лагерь ломал, корежил жизнь человека, рушил все его ценности — и создавал их заново. Сусанна Печуро, 18-летней девочкой осужденная на 25 лет лагерей, рассказывала, что навсегда поняла: нельзя выжить по принципу «ты умри сегодня, чтобы я — завтра». Выжить можно, только если есть о ком думать: «лучше я умру сегодня, чтобы ты прожил еще один день». Нас учили, как уцелеть в лагере: заботиться о ближних, не думать о будущем, не бояться смерти, не позволять себе опуститься физически...

Кажется, эти уроки были не про лагерь — про жизнь вообще.

В каждом интервью нам обязательно рассказывали про охрану. Чаще — с ненавистью, реже — с сочувствием. Вспоминали, как заключенные Минлага прятали в своем строю пьяных солдат, чтобы тех не наказало начальство, и сами подкармливали злую конвоиршу, дети которой тоже голодали. Как пожилой надзиратель ночью выпустил заключенную девочку из холодного карцера, накормил хлебом и разрешил греться на своем месте до утра.

Стало понятно: нельзя говорить только о тех, кто сидел. Следователи, конвоиры, надзиратели, цензоры писем, охранники на вышке, инструкторы служебных собак, лагерные врачи — что происходило с ними? Что они думали о своей работе, стране, о тех, кого стерегли? Мы приходили к ним так же, как к заключенным: не осуждать, не вешать ярлык, но выслушать и понять.

Репрессии разделили поколение наших дедов колючей проволокой, но объединили ощущением несвободы и собственной уязвимости, бедностью, голодом, страхом. Общее ощущение беды не ушло с годами, но схоронилось где-то глубоко в памяти. Так же, как на дне шкафов наших героев сохранились не изъятые при шмонах лагерные бушлаты, кружки, открытки, книжки. Нож, подаренный уголовниками на Колыме, лифчик, вышитый рыбной косточкой в калужской тюрьме. Фотографии и истории этих вещей тоже здесь есть.

Мы не хотим, чтобы эта книга превратилась в хронику насилия и страдания. Мы надеемся, что из рассказов людей сложится история времени и поколения, людей и их ценностей, идеалов и отношений с властью. История любви, дружбы и взаимопомощи там, где все направлено на уничтожение. Ненормальной, часто невыносимой, но всё же жизни.

Анна Артемьева

Елена Рачева

Р. S.: Спасибо историкам «Мемориала» Ирине Островской, Алене Козловой, Светлане Фадеевой и Алексею Макарову за помощь в поиске бывших заключенных и главному хранителю фондов Центрального музея ФСИН России, полковнику Николаю Суслову за контакты сотрудников Службы исполнения наказаний.

Спасибо редактору Владимиру Яковлеву, фотографу Сергею Максимихину и психологу Нане Оганесян — за советы и идеи. Спасибо нашему соавтору Евгению Казакову за макет книги и дизайн обложки, Веронике Цоцко — за верстку. Спасибо издательству АСТ и Илье Данишевскому, без которых этой книги бы не было. Спасибо «Новой газете», Нугзару Микеладзе и Дмитрию Муратову, без которых не было бы нас.

// СОДЕРЖАНИЕ

- 10 **Антонина Асюнькина.** «Не ощущала, что нужно еще покушать, потому что знала, что больше не дадут».
- 16 **Юрий Фидельголец.** «Место в лагере надо завоевывать зубами».
- 24 **Анна Крикун.**
- 26 **Иван Гайдук.** «И Бог был со мной».
- 34 **Комунэлла Маркман.** «Быта у нас не было, надежды не было, а жизнь — была».
- 42 **Семен Виленский.**
- 66 **Валентина Иевлева.** «Просто бабы хотели мужчин».
- 72 **Марлен Кораллов.**
- 74 **Виктор Чунин.** «Освободившиеся заключенные мне часто писали. Иной раз просто: “Спасибо!”».
- 80 **Владимир Кантовский.** «Десять лет — нормальный срок, раз уж попал — так попал».
- 86 **Давид Бадалян.** «Режим Сталина надо вернуть!».
-

ВЕРА ГЕККЕР

«Страхи ареста — они особенные. Вот тут начинает болеть, в животе»

Маленькая, я мечтала, что буду давать концерты, а мама и папа будут сидеть, слушать и кушать шоколад. Но папу расстреляли, маму отправили в Коми, а рояль сестрицы послали ко мне в ссылку.

Страница 94

- 44 **Павел Галицкий.** «Самые сильные всегда умирали первыми».
- 52 **Венера Брежнева.** «Просто жизнь другая была...».
- 58 **Григорий Померанц.**
- 60 **Ольга Гончарук.** «Что я вам, русским, сделала?»
- 92 **Анатолий Киньшин.**
- 94 **Вера Геккер.** «Страхи ареста — они особенные. Вот тут начинает болеть, в животе».
- 102 **Александра Петрова.** «Столько молчишь — иной раз забываешь, что боялась сказать».

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВА

«Столько молчишь — иной раз забываешь, что боялась сказать»

Ведешь заключенных — а сама стучишь ключом по пряжке, чтобы все знали и обходили.

Страница 102

- 112 **Вячеслав Рудницкий.** 📄
- 114 **Лев Нетто.** «Я был в плену и у Гитлера, и у Сталина».
- 122 **Иоанна Мурейкене.**
«Мы поцеловали литовскую землю, будто причастие приняли».

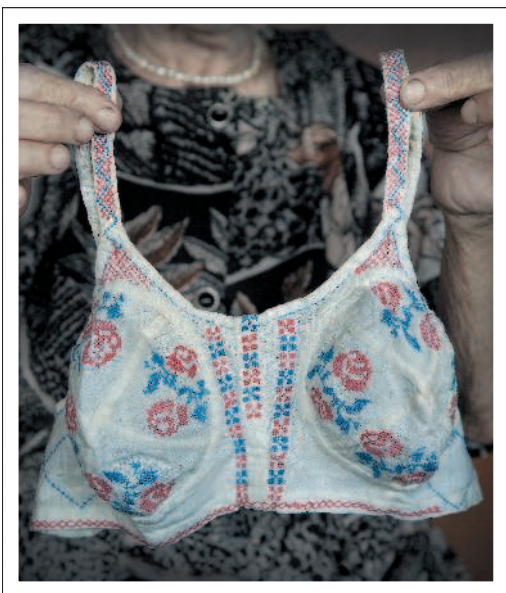
- 138 **Ираида Борисевич.**
«Заклученных кормили лучше, чем нас. Все им, все им. А нам — боже избавь!»
- 146 **Петр Астахов.** 📄
- 148 **Лев Бартењев.** «Если человек обозляется, ему уже возврата нет».
- 154 **Лев Вознесенский.** 📄
- 156 **Елизавета Власова.** «Был у нас как-то расстрел. А что за расстрел? Да просто увезли да расстреляли».
- 160 **Протопресвитер Виктор Данилов.**
«Я чувствовал Бога так, как если бы он был со мной в камере».
- 166 **Валентин Муравский.** 📄
- 168 **Валентина Ищенко.** «Я стояла на сцене и рыдала от счастья».
- 176 **Александр Сорокин.** «Мы все внуки Дзержинского, Феликса Эдмундовича».

ИОАННА МУРЕЙКЕНЕ

«Мы поцеловали литовскую землю, будто причастие приняли»

Видим: около нашей зоны машины, солдаты, пулеметы. Они уже перерезали забор, сделали проходы, кричат: «Выходите! Выходите — или стреляем». А мы стоим, руками сцепились, и кричим: «Свобода или смерть! Свобода или смерть!»

Страница 122

ЕЛЕНА-ЛИДИЯ ПОСНИК

«Мы, фельдшеры, соревновались, у кого на дежурстве никто не умрет»

Лифчик я в тюрьме сшила. Взяла мешок, нитки выдергивала из одежды, а вышивала рыбной косточкой..

Страница 240

- 182 **Нахама Кукушкина.** «Родных нет, квартиры нет... Я не страдала, что я в заключении».
- 186 **Виктор Красин.** «У меня была одна мысль: бежать».
- 196 **Тамара Петкевич.**
- 198 **Родион Мамчур.** «Если посадили справедливо, человек к этому хорошо относится. А если зря — очень злым человек делается».
- 204 **Витаутас Казюленис.** «Одна беда: вы, русские, никогда не были свободными».

ИВАН ГАЙДУК

«И Бог был со мной»

Перестройка — это все ложь, брехня и провокация. Вот говорят: расстреливали. Заключенных расстреливали, невинных. Я как чекист в это не верую. Я сколько служил — никогда никого не стреляли.

Страница 26

- 212 **Юрий Найденов-Иванов.**
- 214 **Зора-Ирина Калина.** «Это же выброшенная жизнь».
- 224 **Константин Евсеев.** «Кого мне в тюрьме жалеть? Там родственников мне не было».
- 230 **Альгирдас Пурас.**
- 232 **Виктор Булгаков.** «Свобода была только под землей»
- 240 **Елена-Лидия Посник.** «Мы, фельдшеры, соревновались, у кого на дежурстве никто не умрет».
- 248 **Вячеслав Харитонов.**
- 250 **Марк Фурман.** «Если бы заключенный пытался сбежать, я бы нажал на гашетку. Обязан был»
- 256 **Вера Евсева.**
- 258 **Петр Брайко.** «В лагере меня встретили как героя».
- 264 **Янина Янавичене.**
- 266 **Агния Зелинская.** «Многие в лагерь шли. Деньги-то надо получать, а вокруг только лес — и лагерь».
- 272 **Григорий Веселов.**
- 274 **Израиль Мазус.** «Зона расширилась до границ СССР».

СУСАННА ПЕЧУРО

«Мы жили в мире,
где можно ничего
не бояться.
Если боишься —
не выживешь»

Женька был уверен, что меня будут пытаться. Кто-то из его приятелей-зэков передал мне яд и сказал: «Женька говорит, тебя там убьют. Поэтому ты не терпи. Лучше умирать быстро».

Страница 290

280 **Анастасия Шмельц.** 📄

282 **Евгений Ухналёв.** «Везде была туфта, бессмысленность и туфта».

290 **Сусанна Печуро.** «Мы жили в мире, где можно ничего не бояться. Если боишься — не выживешь».

302 **Нина Ермакова.** 📄

304 **Антанас Сейкалис.** «Кто-то же должен был воевать против СССР».

312 **Виталий Беликов.** 📄

314 **Ирина Вербловская.** «Ощущение абсурда не проходило».

324 **Юрий Левин.** 📄

326 **Виктор Шевченко.** «Люди в системе стараются быть... героями, что ли?».

332 **Борис Пустынцев.** 📄

334 **Никита Кривошеин.** «На этой воле было настолько противно, что, может, лучше на ней и не быть».

340 **Антон Антонов-Овсеенко.** 📄

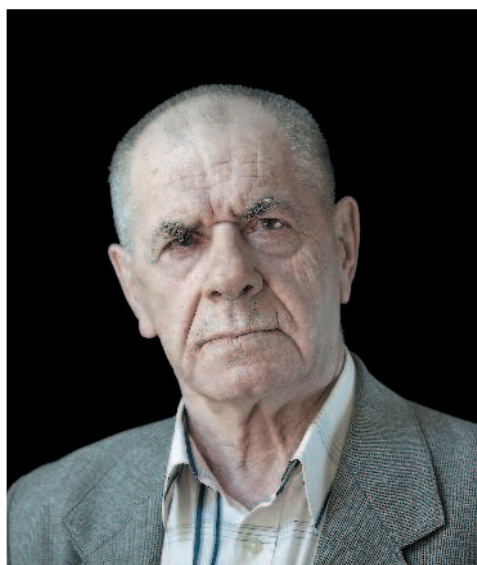
342 **Лев Краснопевцев.** «В лагере была логичная, честная жизнь».

350 **Сергей Щеглов.** 📄

352 **Владислав Ковалев.**
«У меня было чувство гордости, что я работаю в лагере».

358 **Златкус Бронюс.** 📄

360 **Виталий Лазарянец.** «Я чувствовал, что мне надо в тюрьму».

ВИКТОР ШЕВЧЕНКО

«Люди в системе стараются быть... героями, что ли?»

В каждой камере мы обязаны иметь свою агентуру. Если в камере 12 человек, два из них должны работать на нас.

Страница 326

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА АСЮНЬКИНА

«Не ощущала, что нужно еще покушать, потому что знала, что больше не дадут»

Папа мой был мужчина божественный, раскулачили его за Христа и выслали.

Мама была неграмотная, а отец — развитой, грамотный, все знал. И столярничал, и лошадей мог подковать, и на гармошке играл. Молодец был отец! Никогда не унывал. Как и я.

Сами мы с Воронежской области, с хутора Комарово. Там была церковь, мама с папой ходили молиться, они были люди набожные, федоровцы. Был один такой Федоров, и мы вроде в его подчинении.

Как стали разрушать эту церковь, отец пошел, начал им говорить: «Чего вы делаете! Такую красоту снесите!» Друг его один говорит: «Молчи, Василий, а то поедешь туда, где Макар телят не пас». Ну и через два дня начали люди говорить, что тех, кто у церкви был, возмущался, станут раскулачивать и забирать. Дед тоже ходил шуметь — его выслали. А дядя Ваня не ходил — его все равно раскулачили.

«ДВА ГОДА МЫ В ЦЕРКВИ ЖИЛИ»

Погрузили нас на три подводы. Меня привязали. Я ведь хотела убежать, не хотела ехать. Думала, что от родителей хотят меня увезти. А родители что, они молчат. И мне опять: «Не языкай. А то мы в одну сторону ту-ту поедем, а ты в другую». Испугалась я!..

Сначала нас в церковь привезли, и два года мы в той церкви жили. Там много людей было, и мужчин и женщин, все — с Воронежской области. Сначала — кого за религию выслали, потом кулаков пригнали.

Нары стояли трехэтажные, на них спали. Сначала даже в туалет не водили, но мы не могли в туалет в церкви ходить, поганить церковь. Начали ругаться, возмущаться. Тогда стали под конвоем два раза в день выводить.

*Антонина во время ссылки.
Коми, начало 1940-х*

Два раза в день давали баланду, кипяточек и все. Мама крошечку хлеба даст, маленькую, как просвирочка. Я кричу: «Мама-а, дай кусок хлеба!» «Вот тебе просвирочка. Ты скушаешь — и будешь здорова».

Мы там пели псалмы божественные! Охранники приходили, ругались, а взрослые говорят: мол, раз вы не слышите, Бог услышит и нам поможет.

Мы все вместе сидели: мама, папа, дедушка, дядя Коля, тетя Шура, дядя Миша. Потом мужчин забрали. Папу взяли на лесоповал, старший брат пошел в пастухи, дедушка — печки ремонтировать. На ночь закрывали на засов, утром отпускали на работу под конвоем.

Потом очень много стали умирать дети. У одной бабушки Христи было трое детей, и все померли. А я не болела, я боевая была. Могла из грязи что-то найти и скушать.

Посидели месяц, полтора... Конвой же видит, что мы голодаем! Разрешили детей на веревке спускать в окна церкви, чтобы они ходили, милостину просили. Я не ходила, а братиков спускали. Подавали им мало.

Потом начали выпускать и старух, и женщин, чтобы они побирались. Бабушка рассказывала: ходили, крестили людей, молились. Кто-то двери не открывал, кто-то пускал, кормил. Мама ходила по деревням, белила дома, ремонтировала. Но никогда об этом потом не рассказывала.

«КРЕСТИКИ»

Сначала мы были кулаки высланные, а потом уже за веру арестованные. Прямо там, в церкви, арестовали и отправили в Печору, в Республику Коми. И Василенковых отправили, и Парубаевых, и бабу Христю...

До Кожвы везли на баржé, в трюме, куда, не сказали. Когда вышли, увидели оленей и отец сказал: «Ничего, скот живет — и мы проживем».

1923

Родилась на хуторе Комарово Россошанского района Воронежской губернии в семье последователей религиозного движения федоровцев, катакомбных старообрядцев-беспоповцев. Движение возникло в начале 1920-х годов под Воронежем вокруг юродивого Федора Рыбалкина. К 1930-м активные члены движения были расстреляны, большинство остальных раскулачены и отправлены в ссылку.

Февраль 1930

Семья Антонины выслана «как имеющая кулацкое хозяйство и принадлежащая к контрреволюционной секте федоровцев». Родители Антонины, бабушка, дедушка, три ее дяди и четверо братьев и сестер этапом через Архангельск и Котлас доставлены в Заонекеевский лагерь ОГПУ Вологодской области, созданный в помещении бывшего монастыря.

21 июня 1931

Отец Антонины Василий Береговой арестован вологодским полномочным представительством ОГПУ «за распространение ложных слухов о Советской власти».

Привезли нас в Песчанку (*поселок спецпереселенцев в 22 км от города Печора. — Авт.*). Отца не было, его забрали в тюрьму, а мы с мамой и с бабушкой остались. Жили в бараках. Комнаты такие большие, с нарами. Помню, чего-то горячее в кружечку наливали, ну и хлеба кусочек, это мы кушали. Голодали... Как вам сказать... Не ощущали, что нужно еще покушать, потому что знали, что больше не дадут.

Потом отца — он уже осужденный был — отправили на лесозаготовку в Кедровый шор, километров 50 от нас. Мы с братом и сестрой ходили к нему пешком. Измозолил ноги — все равно идешь. Потом ак-кли-ма-ти-зировались, а отца отпустили к семье, в Песчанку.

Я до этого не училась, а как в Коми приехали, пошла в первый класс. Как в школу заходили, нам, детям, давали рыбий жир по ложке и настойку хвои. Тем и были живы.

Нам, федоровцам, положено белую, светлую одежду носить. На ней всюду были крестики или вышиты, или нашиты. Нас и называли «крестиками». Свой нательный крестик я на рубашечку привязывала и прятала на теле. Иногда приходили обыскивать и крестики отбирали. Кто? А, молодые такие, непонятные! Я драться лезла, не отдавала. Нас ощупывают, крестик кожу царапает, и я царапаюсь. Один раз за руку схватила и тяну кусать! Я боевая росла! И сейчас боевая.

Семья Береговых в ссылке. Коми, 1948

27 ноября 1931

Постановлением «тройки» Василий Береговой осужден на три года лишения свободы и отправлен в Печорлаг. Его близких как семью «врага народа» отправили в ссылку в Кожвинский район Коми АССР.

1933

Семье Антонины разрешают вольное поселение в Печорском районе. Василий Береговой получает еще один срок за антисоветскую агитацию в лагере и освобождается только в 1937-м.

Работала кассиром, бухгалтером, заведующей детскими яслями.

Живет в поселке Красный Яг под городом Печора.

* * *

В 34-м нас с мамой выпустили. Дали одежду и сказали: идите на все четыре стороны.

Сначала жили в Кожве, у частной бабушки Матрены, бесплатно. В одной комнате с ней спали, за одним столом кушали. Что кушали? Да что приготовят! Главное дело — чай был и хлеб. На хлеб сахара насыпали: вот тебе норма, ешь и не спрашивай. Голодно было, а все равно бегали, играли... По лугам бегали, дикий лук, чеснок собирали, ягоды. Лебеду толкли... Го-осподя! Лебеда — она горькая-я. Но ничего. Хуже, шо не соленая.

«КОГДА ВСЕ ПРОШЛО...»

Папу судили три раза, а в 37-м выпустили и уже не сажали. Пришел он худой, по всему телу волдыри. Он веселый был, общительный, его уважали очень. Когда умер, люди шли толпой, прямо как на демонстрации.

У родителей лампадка, икона была, они утром и вечером молились. И никогда сильно не разговаривали. Побаивались. И мне не велели. Когда умирал вожди, они плакали, жалели. Не злодействовали, не радовались. Не злобились, не говорили, что советская власть плохая. Когда все прошло, мама устроилась в колхоз дояркой, папа конюхом, мы в интернате учились. А как время подошло, родители пенсию не получили и даже не пытались. Сказали: дети есть, руки-ноги есть, заработаем сами. Ни копейки никогда не брали у советской власти.

Муж мой тоже был ссыльный, из Пензы, а за что он ссыльный, не знаю. Он жил в Печоре в землянке. В 46-м году я вышла в эту землянку замуж и так десять лет в ней прожила.

Нет, вернуться в Воронеж я не думала. А чего: землю забрали, дома нету. Что я, руки сло́жу и поеду туда умирать? Не-е. Не ездила даже ни разу. Не тянуло. Какая-то злоба в душе была, что не дали нам жить там, выгнали нас... Да и некогда мне было ездить, я детей рожала. И сейчас некогда, я Богу молюсь.

У меня еще с церкви одно ухо застуженное. То болело, теперь не слышит и все время гуди-ит, гуди-ит. Хочу пойти в больницу, чтобы они мне его заткнули. А так ничего, живу, здравствую. Не пила, не курила, питалась скромно, чужого не брала. Родители всегда говорили: «Смотри, живи по закону. Не зарься на деньги. Языком не болтай». Вот я и работала, и ничего у меня никогда не было. Вот так вот, слава тебе Господи, и живу. Долго, 85 с лишним лет.

—

ИКОНКА БАБЫ ХРИСТИ

«Трое детей были у бабы Христи, все умерли, она осталась. Как стали нас из лагеря выпускать, ходила по людям нянчить. Потом одна женщина забрала ее к себе. Она высланная была. Верующая, но скрывала. А нам сказала: я умру, а вы эту иконку себе заберите. Так она у нас и висит».